

РОССИЯ – ДЕРЖАВА
НА ТРЕХ
КОНТИНЕНТАХ

Алексей Вольнец

Деревянные пушки Китая

Россия и Китай –
между союзом
и конфликтом

МОСКВА
2017

УДК 355/359
ББК 68
В70

Волынец, Алексей Николаевич.

В70 Деревянные пушки Китая. Россия и Китай —
 между союзом и конфликтом / Алексей Волынец. —
 Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 448 с.

ISBN 978-5-04-089213-6

Чем «опиумные войны» англичан в Поднебесной были похожи на Крымскую войну? Почему русские без единого выстрела вернулись на потерянный Амур и отчего за Приморье пришлось сражаться не с китайцами, а с Англией? Зачем русские гвардейцы учили маньчжурских солдат и почему китайские «казаки» Синьцзяна съели русских пленных? Как Китай влиял на постройку Транссиба и Владивостокской крепости? Зачем Россия помогла Пекину вернуть центр Азии и сколько могла стоить большая русско-китайская война?

На эти и многие другие вопросы ответит книга «Деревянные пушки Китая» — о том, как военная история XIX века повлияла и до сих пор влияет на русско-китайские отношения...

УДК 355/359
ББК 68

© Волынец А. Н., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-089213-6

ГЛАВА 1

«ЕЖЕЛИ Б АМУР-РЕКА БЫЛА В РОССИЙСКОМ ВЛАДЕНИИ...»

Как Россия потеряла Амур на 169 лет

«На великой реке Амуре стоят драки сильные...»

ПОСЛЕ открытия русскими первопроходцами великой реки Амур до окончательного присоединения её берегов к нашей стране прошло двести лет. Что же происходило в те два столетия вокруг Амура, прежде чем он стал границей между Россией и Китаем?

Первое упоминание реки Амур в международных документах появляется 25 июня 1670 года. Именно в тот день император маньчжуров Сюань подписал послание русскому царю, в котором сообщал, что «в районе Амура мелкие разбойники, твои подданные, напали на наших сборщиков соболя».

Естественно, имя великой дальневосточной реки Амур в том письме звучало иначе — «Сахальянь-ула», Чёрная река, как её называли маньчжуры. Русские этот язык не знали, и гонцы из Пекина дали им копию императорского послания на монгольском языке. Уже в Москве монгольское имя «Кара-мурэн» (Чёрная река по-монгольски) перевели как Шилка — столичные чиновники из Сибирского приказа, управлявшего далёкими восточными окраинами, ещё не очень разбирались, где начинается собственно Амур, а где его притоки...

С государственной принадлежностью Амура тоже было всё непонятно. К тому времени русские первопроходцы, именно их небольшие отряды маньчжурский император именовал «мелкими разбойниками»,

*Маньчжурский император Сюаньэ (Канси).
Китайский рисунок начала XVIII века*

уже почти четверть века собирали на берегах реки меховую дань и строили укрепленные остроги. Первый официальный представитель власти приехал из Москвы на берега Амура ещё в 1653 году, чиновники русского царя планировали основать на этих землях новое воеводство.

Но за то время, пока первые русские люди осваивали Приамурье, южнее возникла огромная импе-

рия. В июне 1644 года, когда отряд первопроходцев Василия Пояркова впервые вышел на берега Амура, в полутора тысячах вёрст к югу армия маньчжурских племён захватила Пекин. За следующие десятилетия маньчжуры покорили почти весь Китай, основав свою империю Цин. И когда в 1670 году император Сюанье отправлял письмо московскому царю с первым упоминанием Амура, на берегах этой реки находилось не более тысячи русских, а всё население России не превышало 14 миллионов человек, тогда как в новой китайской империи насчитывалось почти 100 миллионов подданных.

Ранее китайцы хотя и бывали на берегах Амура, но почти не интересовались этими северными для них землями. Маньчжуры же считали «Чёрную реку» своей сферой влияния, так как здесь, среди не знавших государственности малочисленных племён, издавна проживали и их дальние родственники — народности дючеров и орочёнов. Русские называли их «тунгусами». Сами маньчжуры, впервые столкнувшись с русскими первопроходцами, изначально тоже посчитали пришельцев «неизвестным сибирским племенем».

В итоге берега Амура стали спорной территорией между Русским царством и маньчжурской империей Цин. Первое вооружённое столкновение произошло уже в 1652 году, когда казаки Ерофея Хабарова разгромили атаковавший их маньчжурский отряд, в три раза превосходивший первопроходцев по численности.

«Здесь на великой реке Амуре стоят драки сильные с воинскими людьми, что присланы от царя богдойскова» — архивы сохранили датированное апрелем 1655 года письмо об этих событиях, отправленное в Якутск «служилым человеком» Онуфрием Степановым. «Богдойским царём», или «богдыханом», русские именовали маньчжурского императора.

В своём письме якутскому воеводе Онуфрий Степанов рассказал, как маньчжурские войска безуспешно

осаждали построенный казаками Кумарский острог, расположенный на правом берегу Амура, на территории, которая сегодня является китайской провинцией Хейлуцзян: «А приехали те богдойские воинские люди со всяким огненным боем, с пушки и пищальми, и знамена у них всякой розной цвет... Из Кумарского острожку государевы служивые люди и амурские казаки выходили на вылазку, и многих богдойских людей побили и отбили у них 2 пищали железные, порох и ядра...»

Спустя три года сибирский казак Степанов, известный среди своих под прозвищем Кузнец, погибнет в бою, когда 11 казачьих лодок столкнутся с полусотней маньчжурских боевых кораблей на Амуре, там, где в него впадает река Сунгари.

**«Русским следует вернуться в Якутск,
который и должен служить границей...»**

К КОНЦУ XVII века в России реку Амур уже считали новой линией границы. Не случайно изданный в Москве в 1678 году большой географический труд «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азия» завершается главой «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы».

Однако маньчжуры, новые властители Китая, думали иначе. Но они смогли вплотную заняться Амуром только после покорения всех китайских земель, включая остров Тайвань. Спустя 14 лет после первого письма, в 1684 году, из Пекина в Москву отправилось новое обращение маньчжурского императора. Фактически это был ультиматум, требовавший от России отступить с Амура аж за Байкал, к реке Лене. «Вам, русским, следует побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей», — писал император Сюанье.

К тому времени маньчжурские войска уже год вели необъявленную войну против русских. На реке Зее, в

современной Амурской области, появился маньчжурский «фудутун» (генерал-губернатор) Лантань с 10-тысячным войском при 172 пушках. Воины Лантаня, среди которых были маньчжуры, китайцы, корейцы и даже два десятка голландских офицеров-наёмников, уничтожили несколько «острожков» и зимовий русских первопроходцев, а затем осадили Албазинский острог, в котором оборонялось четыре сотни казаков при всего 3 орудиях. Одновременно в Забайкалье русским острогам угрожали монголы, союзные маньчжурскому императору. При этом Российское государство на всём огромном пространстве от Байкала до Амура имело не более двух тысяч стрельцов и казаков при 21 пушке.

Казалось, ещё чуть-чуть, и осуществится ультиматум императора Сюанье, грозившего «вернуть русских в Якутск». Но бои вокруг Албазина, несмотря на численное превосходство маньчжурских войск, продолжились два года, ошеломив империю Цин упорством и боеспособностью русских воинов. В итоге два государства в августе 1689 года начали первые переговоры о том, где же пройдёт их общая граница.

С русской стороны вопрос о будущей границе решил приехавший из Москвы боярин Фёдор Алексеевич Головин. Русское правительство соглашалось признать за империей Цин земли к югу от Амура. Инструкция, написанная для Головина боярами и дьяками Посольского приказа, гласила: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что кроме оной реки, издавна разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, также чтобы подданные обеих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили...»

Но маньчжурские послы требовали куда большего — в Пекине хотели, чтобы граница прошла по реке Селенге и озеру Байкал. Император Сюанье всё ещё хотел отодвинуть русских далеко на северо-запад, «вернуть в Якутск». Маньчжуры никогда не владели землями у Байкала, но, как пересказывал их доводы в

Боярин Фёдор Алексеевич Головин

докладах московскому начальству посол Головин, логика требований из Пекина была простой — «что все те земли от Байкала-моря были владения хана монгольского, а монгольцы все издавна подданные их китайского хана».

Для России переговоры были сложными. Далеко на западе страна вела тяжелую войну с Турцией, русские войска в те дни безуспешно пытались прорваться в Крым. Непростым было и внутреннее положение — в 1689 году как раз началась открытая борьба за власть молодого царя Петра I с царевной Софьей и её сторонниками.

Поэтому Россия не имела на Дальнем Востоке достаточно сил, чтобы вести большую войну с маньчжуро-китайской империей. Но и пекинский «богдыхан»

после жестоких боёв за Албазин опасался серьёзной войны с упорными русскими, если будет настаивать на их отступлении за Байкал.

Посол Фёдор Головин проявил немало дипломатического мастерства, порой используя как оружие даже своевременную шутку. Например, когда маньчжурские дипломаты в ходе обсуждений всё же согласились признать город Нерчинск, в котором шли переговоры, русской территорией, Головин тут же ответил им: «Сердечно благодарен вам за разрешение переночевать здесь эту ночь». Как описывает те минуты переводчик маньчжурской делегации: «Московский посол отвечал с изысканной учтивостью, но его ирония очень ранила наших послов и пристыдила их, хотя в тот момент им удалось как-то скрыть это...»

В итоге обеим сторонам пришлось пойти на компромисс. 27 августа 1689 года представители Москвы и Пекина подписали первый для обоих государств договор о границе, вошедший в историю как Нерчинский трактат.

«Рубеж между обоими государствами постановить...»

ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, что договор, с которого началась русско-китайская граница, был составлен на трёх языках, но среди них не было китайского. Документы о разграничении Русского царства и империи Цин изложили по-маньчжурски, по-русски и на латыни. Покорившие Китай маньчжуры составляли официальные документы на своём языке, абсолютно далёком от китайского. Посольство боярина Головина свой экземпляр договора писало, естественно, на русском. Латынь же служила языком общения двух делегаций, так как ни в России, ни в маньчжурском Китае ещё не было чиновников, одновременно владевших языками обоих государств.

Российские и китайские владения в районе Амура и граница по Нерчинскому договору 1689 года

Переводчиками для маньчжурской стороны стали давно жившие в Пекине католические монахи-миссионеры француз Франсуа Жербийон и португалец Томазо Перейра. Знаток латыни в русской делегации был Андрей Белобоцкий — русин из Польши, поэт и богослов, учившийся в университетах Италии, Франции и Испании, бежавший в Московскую Русь от преследований инквизиции.

Эти трое знатоков латыни, применяя мёртвый язык исключительно по памяти и не без ошибок, составили письменные варианты договора о границе между Пекином и Москвой. Двойной перевод с маньчжурского на русский при помощи латыни породил в итоге три разных неидентичных текста. К этому добавились сложности перевода географических назва-

ний — имена таёжных рек и гор, ставших ориентирами на огромном пространстве от Байкала до Охотского моря, на трёх языках звучали по-разному. Да и сами послы с переводчиками очень приблизительно знали географию земель, которые они делили.

В итоге из Нерчинского трактата, предназначенного «рубеж между обоими государствами постановить», однозначно было понятно лишь одно — русские покидают «город Албазин», или, в латинском варианте, «fortalitia in loco nomine Yagsa», а границей становится правый исток Амура, река Аргунь.

Зато там, где Аргунь сливается с рекой Шилкой и образует сам Амур, география договора прописана весьма непонятно. Русские и маньчжуры договорились «рубеж между обоими государствами постановить» по некоей речке «имянем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с левые стороны, близ реки Черной». На латыни Горбицу запишут как *Kerbichi*, позже выяснится, что аборигены-«тунгусы» знают аж две реки с таким названием.

От истоков «реки имянем Горбица» линия границы проводилась на восток по неким «Каменным горам». В маньчжурском варианте договора они названы «Большим Хинганом», но точно такое же имя носят и горы к югу от Амура. Одним словом, дипломаты смутно представляли, что делают. Поэтому про земли в далёком устье Амура написали просто — «не ограничены до иного благополучного времени». Их разграничение отложили на будущее.

«Ежели б Амур-река была в российском владении...»

27 АВГУСТА 1689 года, в тот день, когда боярин Голловин подписал Нерчинский трактат, он ещё не знал, что почти в пяти тысячах вёрст к западу, в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре, произошли

события, навсегда отдавшие власть в руки молодого царя Петра I. Не знал Фёдор Головин и того, что он станет ближайшим сподвижником царя-реформатора, фельдмаршалом его новой армии и участником закладки Санкт-Петербурга.

На Дальний Восток боярин Головин уже никогда не вернётся. Царь Пётр I, занятый реформами и войнами далеко на Западе, вполне удовлетворится Нерчинским трактатом, который хотя и отодвинул Россию со страшно далёкого Амура, но помог избежать конфликта с большим Китаем, а главное, открыл возможности для выгодной русско-китайской торговли.

5-я статья подписанного в Нерчинске договора позволяла «для нынешние начатые дружбы приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что надобно». Поэтому Россия смогла стать посредником в выгодной коммерции между Европой и Китаем. И в разгар войны со шведами приходившие из Китая караваны приносили огромные прибыли, в отдельные годы покрывая половину всего бюджетного дефицита страны.

О так до конца и не установленной дальневосточной границе задумались лишь по окончании долгой войны за Балтику. В Китай отправился один из лучших дипломатов Петра I граф Савва Рагузинский. Одной из его задач было «учинить, сколько возможно будет, обстоятельное описание и карту» земель к северу от Амура, чтобы наконец понять, где же точно среди тайги и гор проходит русско-китайская граница и где она упирается в Охотское или Японское море...

Но два века назад задача исследования дикой тайги оказалась невыполнимой, хотя посольство Рагузинского сопровождали несколько офицеров-геодезистов. Как докладывал в Петербург в апреле 1728 года сам посол: «Об оных местах подлинно ныне ничего проведать не можно было, ибо дважды геодезистов для описания послал, кои девять недель ехав от Якутска до реки Уды и пожив в тамошнем острожке, возвратились ни с чем».

Упомянутый «острожек» — ныне село Удское в Тугуро-Чумиканском районе на севере Хабаровского края. Где же заканчиваются загадочные «Каменные горы» из Нерчинского трактата и кому принадлежит безлюдный северный берег в устье Амура, так и осталось непонятым. Поэтому посольство Рагузинского смогло уточнить границу двух империи в районе Монголии, но не затронуло отложенный в Нерчинске вопрос о точной границе в Приамурье.

Тем временем власти Российской империи всё более понимали, что Амур стране всё-таки нужен прежде всего как единственная в те времена удобная «трасса», идущая с запада на восток к Тихоокеанскому побережью. Без Амура связь с Камчаткой приходилось поддерживать через порт Охотска, до которого добирались вьючными караванами из Якутска по тяжелейшему и неудобному «тракту» сквозь леса, болота и горы (<http://dv.land/history/pervyi-nadalnevostochnom-bereg>). Не случайно одновременно с посольством Рагузинского в Петербург обратился якутский воевода Яков Ельчин, жалуясь на неудобство «тракта» в Охотск: «Ежели б Амур-река была в российском владении и можно было от Нерчинска выходить судами в амурское устье, то от Якутска до Охотска пути старание иметь не надлежало б».

Вскоре в Петербург пришел обстоятельный документ от одного из участников экспедиции Беринга, сосланного на Камчатку капитана Василия Казанцева. Камчатский ссыльный доказывал, что для связи с побережьем Охотского моря лучше использовать плывущие по Амуру корабли, а не трудные оленьи тропы из Якутска в Охотск. Одновременно в Петербург обратился другой участник экспедиции Беринга, профессор Академии Наук Герхард Миллер. Побывав в 1735 году в Нерчинске и у истоков Амура, профессор с удивлением обнаружил, что невозможно понять, где же проходит граница в Приамурье. Об этом Миллер написал целую книгу «Изъяснение сумнительств,